

Гайдар Аркадий Петрович

ДЫМ В ЛЕСУ

Аркадий Гайдар

Дым в лесу

Моя мать училась и работала на большом новом заводе, вокруг которого раскинулись дремучие леса.

На нашем дворе, в шестнадцатой квартире, жила девочка, звали ее Феня.

Раньше ее отец был кочегаром, но потом тут же на курсах при заводе он выучился и стал летчиком.

Однажды, когда Феня стояла во дворе и, задржав голову, смотрела в небо, на нее напал незнакомый вор-мальчишка и вырвал из ее рук конфету.

Я в это время сидел на крыше дровяного сарая и смотрел на запад, где за рекой Кальвой, как говорят, на сухих торфяных болотах, горел вспыхнувший позавчера лес.

То ли солнечный свет был слишком ярок, то ли пожар уже стих, но огня я не увидел, а разглядел только слабое облачко белесоватого дыма, едкий запах которого доносился к нам в поселок и мешал сегодня ночью людям спать.

Услышав жалобный Фенин крик, я, как ворон, слетел с крыши и вцепился сзади в спину мальчишки.

Он взвыл от страха. Выплюнул уже засунутую в рот конфету и, ударив меня в грудь локтем, умчался прочь.

Я сказал Фене, чтобы она не орала, и строго-настрого запретил ей поднимать с земли конфету. Потому что если все люди будут подъедать уже обсосанные кем-то конфеты, то толку из этого получится мало.

Но чтобы даром добро не пропадало, мы подманили серого кутенка Брутика и запихали ему конфету в пасть. Он сначала пищал и вырывался: должно быть, думал, что суют чурку или камень. Но когда раскусил, то весь затрясся, задергался и стал хватать за ноги, чтобы дали ему еще.

- Я бы попросила у мамы другую, - задумчиво сказала Феня, - только мама сегодня сердитая, и она, пожалуй, не даст.

- Должна дать, - решил я. - Пойдем к ней вместе. Я расскажу, как было дело, и она над тобой, наверное, сжадется.

Тут мы взялись за руки и пошли к тому корпусу, где была шестнадцатая квартира. А когда мы переходили по доске канаву, ту, что разрыли водопроводчики, то я крепко держал Феню за воротник, потому что было ей тогда года четыре, ну может быть, пять, а мне уже давно пошел двенадцатый.

Мы поднялись на самый верх и тут увидели, что следом за нами по лестнице пыхтит и карабкается хитрый Брутик.

* * *

Дверь в квартиру была не заперта, и едва мы вошли, как Фенина мать бросилась к дочке навстречу. Лицо ее было заплакано. В руке она держала голубой шарф и кожаную сумочку.

- Горе ты мое горькое! - воскликнула она, подхватывая Феню на руки. - И где ты так измызгалась, извазякалась? Да сиди же ты и не вертись, несчастливое создание! Ой, у меня и без тебя беды немало!

Все это она говорила быстро-быстро. А сама то хватала конец мокрого полотенца, то расстегивала грязный Фенин фартук, тут же смахивала со своих щек слезы. И видать, что куда-то очень торопилась.

- Мальчик, - попросила она, - ты человек хороший. Ты мою дочку любишь. Я через окно все видела. Останься с Феней на час в квартире. Мне очень некогда. А я тебе тоже когда-нибудь добро сделаю.

Она положила мне руку на плечо, но ее заплаканные глаза глядели на меня холодно и настойчиво.

Я был занят, мне пора было идти к сапожнику за маминными ботинками, но я не смог отказаться и согласился, потому что, когда о таком пустяке человек просит такими настойчивыми тревожными словами, то, значит, пустяк этот совсем не пустяк. И, значит, беда ходит где-то совсем рядом.

- Хорошо, мама! - вытирая мокрое лицо ладонью, обиженным голосом сказала Феня. - Но ты дай нам за это что-нибудь вкусное, а то нам будет скучно.

- Возьмите сами, - ответила мать, бросила на стол связку ключей, торопливо обняла Феню и вышла.

- Ой, да она от комода все ключи оставила. Вот чудо! - подтаскивая со стола связку, воскликнула Феня.

- Что же тут чудесного? - удивился я. - Мы ведь свои люди, а не воры и не разбойники.

- Мы не разбойники, - согласилась Феня. - Но когда я в тот комод лазаю, то всегда что-нибудь нечаянно разбиваю. Или вот, например, недавно разлилось варенье и потекло на пол.

Мы достали по конфете да по прянику. А кутенку Брутику кинули Сухую баранку и намазали нос медом.

* * *

Мы подошли к распахнутому окошку.

Гей! Не дом, а гора. Как с крутого утеса, отсюда видны были и зеленые поляны, и длинный пруд, и кривой овраг, за которым один рабочий убил зимой волка. А кругом - леса, леса.

- Стой, не лезь вперед, Фенька! - вскрикнул я, стаскивая ее с подоконника. И, закрывшись ладонью от солнца, я глянул в окно.

Что такое? Это окно выходило совсем не туда, где речка Кальва и далекие в дыму торфяные болота. Однако не больше как в трех километрах из чащи поднималась густая туча крутого темно-серого дыма.

Как и когда успел туда пожар перекинуться, это было мне совсем не понятно.

Я обернулся. Лежа на полу, Брутик жадно грыз брошенный Феней пряник. А сама Феня стояла в углу и смотрела на меня злыми глазами.

- Ты дурак, - сказала она. - Тебя мама оставила со мной играть, а ты зовешь меня Фенькой и от окна толкаешься. Возьми тогда и уходи совсем из нашего дома.

- Фенечка, - позвал я, - беги сюда, смотри, что внизу делается.

* * *

Внизу же делалось вот что.

Промчались галопом по улице два всадника.

С лопатами за плечами мимо памятника Кирову, по круглой Первомайской площади, торопливо прошагал отряд человек в сорок.

Распахнулись главные ворота завода, и оттуда выкатились пять грузовиков, набитых людьми до отказа, и, с воем обгоняя пеший отряд, грузовики исчезли за поворотом у школы.

Внизу, по улицам, стайками шныряли мальчишки. Они, конечно, все уже разнюхали, разузнали. Я же должен был сидеть и караулить девчонку. Обидно!

Но когда, наконец, завыла пожарная сирена, я не вытерпел.

- Фенечка, - попросил я, - ты посиди здесь одна, а я ненадолго во двор сбегаю.

- Нет, - отказалась Феня, - теперь я боюсь. Ты слышишь, как оно воет?

- Экое дело, воет! Так ведь это труба, а не волк воет! Съест она тебя, что ли? Ну, хорошо, ты не хнычь. Давай с тобой вместе во двор спустимся. Мы там постоим минутку и назад.

- А дверь? - хитро спросила Феня. - Мама от двери ключа не оставила. Мы хлопнем, замок захлопнется, и тогда как? Нет, Володька, ты уж лучше сядь тут и сиди.

Но мне не сиделось. Поминутно бросался я к окну и громко досадовал на Феню.

- Ну, почему я должен тебя караулить? Что ты, корова или лошадь? Или ты не можешь маму одна дожидаться? Вон другие девчонки всегда сидят и дожидаются. Возьмут какую-нибудь тряпку, лоскутик... куклу сделают: "Ай, ай! Бай, бай!" Ну, не хочешь тряпку, - сидела бы слона рисовала, с хвостом, с рогами.

- Не могу, - упрямо ответила Феня. - Если я одна останусь, то могу открыть кран, а закрыть позабуду. Или могу разлить на стол всю чернильницу. Вот один раз упала с плиты кастрюля. А другой раз застрял в замке гвоздик. Мама пришла, ключ толкала, толкала, а дверь не отпирается. Потом позвали дядьку, и он замок выломал. Нет, - вздохнула Феня, - одной оставаться очень трудно.

- Несчастливая! - завопил я. - Но кто же это тебя заставляет открывать кран, опрокидывать чернила, спихивать кастрюли и заталкивать в замок гвозди? Я бы на месте твоей мамы взял веревку да вздул тебя хорошенько.

- Дуть нельзя! - убежденно ответила Феня и с веселым криком бросилась в переднюю, потому что вошла ее мать.

* * *

Быстро и внимательно посмотрела она на свою дочку. Оглядела кухню, комнату и, усталая, опустилась на диван.

- Пойди вымой лицо и руки, - приказала она Фене. - Сейчас за нами придет машина, и мы поедем на аэродром к папе.

Феня взвизгнула. Наступила на лапу Брутику, сдернула с крючка полотенце и, волоча его по полу, убежала на кухню.

Меня бросило в жар. Я еще ни разу не был на аэродроме, который находился километрах в пятнадцати от нашего завода.

Даже в День авиации, когда всех школьников повезли туда на грузовиках, я не поехал, потому что перед этим я выпил четыре кружки холодного квасу, простудился, чуть не оглох и, обложенный грелками, целых три дня лежал в постели.

Я проглотил слюну и осторожно спросил у Фениной матери:

- И долго вы там с Феней на аэродроме будете?

- Нет! Мы только туда и сейчас же обратно.

Пот выступил на моем лбу и, вспомнив обещание сделать для меня добро, набравшись смелости, я попросил!

- Знаете что! Возьмите и меня с собой.

Фенина мама ничего не ответила, и казалось, что вопроса моего не слышала. Она подвинула к себе зеркальце, провела напудренной ватой по своему бледному лицу, что-то прошептала, потом поглядела на меня.

Должно быть, вид мой был очень смешон и печален, потому что, слабо улыбнувшись, она одернула съехавший мне на живот пояс и сказала:

- Хорошо. Я знаю, что ты любишь мою дочку. И если тебя дома отпустят, то тогда поезжай.

- Он меня вовсе не любит, - вытирая лицо, сурово ответила из-под полотенца Феня. - Он обозвал меня коровой и сказал, чтобы меня дули.

- Но ты же меня, Фенечка, первая обругала, - испугался я. - И потом это я просто пошутил. Я же за тебя всегда заступаюсь.

- Это верно, - с азартом растирая полотенцем щеки, подтвердила Феня. Он за меня всегда заступается. А Витька Крюков только один раз. А есть такие, сами хулиганы, что ни одного раза.

* * *

Я помчался домой, но во дворе наткнулся на Витьку Крюкова. И тот, не переводя духа, выпалил мне разом, что через границу к нам пробрались три белогвардейца. И это они подожгли лес, чтобы сторел наш большой завод.

Тревога! Я ворвался в квартиру, но тут было все тихо и спокойно.

За столом, склонившись над листом бумаги, сидела моя мама и маленьким кронциркулем наносила на чертеж какие-то кружки.

- Мама! - взволнованно окликнул я. - Ты дома?

- Осторожней, - ответила мать, - не тряси стол.

- Мама, что же ты сидишь? Ты уже про белогвардейцев слышала?

Мать взяла линейку и провела по бумаге длинную тонкую черточку.

- Мне, Володька, некогда. Их и без меня поймают. Ты бы сходил к сапожнику за моими ботинками.

- Мама, - взмолился я, - до того ли теперь дело? Можно, я поеду с Феней и ее матерью на аэродром? Мы только туда и сейчас же обратно.

- Нет, - ответила мать. - Это ни к чему.

- Мама, - настойчиво продолжал я, - помнишь, как вы с папой хотели взять меня на машине в Иркутск? Я уже собрался, но пришел еще какой-то ваш товарищ. Места не хватило, и ты тихонько попросила (тут мать оторвалась от чертежа и на меня посмотрела), ты меня попросила, чтобы я не сердился и остался. И я тогда не сердился, замолчал и остался. Ты это помнишь?

- Да, теперь помню.

- Можно, я с Феней поеду на машине?

- Можно, - ответила мать и огорченно добавила: - Варвар ты, а не человек, Володька! У меня и так времени в обрез до зачета, а теперь я сама должна идти за ботинками.

- Мама, - счастливо бормотал я. - А ты не жалеешь... Ты надень свои новые туфли и красное платье. Погоди, я вырасту - подарю тебе шелковую шаль, и совсем ты у нас будешь как грузинка.

- Ладно, ладно, проваливай, - улыбнулась мать. - Заверни себе на кухне две котлеты и булку. Ключ захвати, а то вернешься - меня дома не будет.

Быстро собрался я. В левый карман затолкал сверток, а в правый сунул оловянный, не похожий на настоящий, браунинг и выскочил во двор, куда как раз уже въезжала легковая машина.

Скоро прибежала Феня, а за ней Брутик.

Мы важно сидели на мягких кожаных подушках, а маленькие ребята толпились вокруг машины и нам завидовали.

- Знаешь что, - покосившись на шофера, прошептала Феня, - давай возьмем с собой Брутика. Посмотри, как он прыгает и вихляется.

- А твоя мама?

- Ничего. Она сначала не заметит, а потом мы скажем, что сами не заметили. Иди сюда, Брутик. Да иди ты, дурачок лохматый!

Схватив кутенка за шиворот, она втощила его в кабину, затолкала в угол, закрыла платком. И такая хитрющая девчонка: заметив подходившую мать, стала пристально разглядывать электрический фонарик на потолке кабинки.

Машина выкатилась за ворота, повернула и помчалась по шумной и встревоженной улице. Дул сильный ветер, и запах дыма уже заметно щипал ноздри.

На ухабистой дороге машину подбрасывало. Кутенок Брутик, высунув голову из-под платка, недоуменно прислушивался к тарахтению мотора.

По небу метались встревоженные галки. Пастухи громким щелканьем бичей сердито сгоняли обеспокоенное и мычащее стадо.

Возле одной сосны стояла лошадь со спутанными ногами и, насторожив уши, нюхала воздух.

Промчался мимо нас мотоциклист. И так быстро летела его машина, что только успели мы обернуться к заднему окошечку, как он уже показался нам маленьким-маленьким, как шмель или даже как простая муха.

Мы подъехали к опушке высокого леса, и тут красноармеец с винтовкой загородил нам дорогу.

- Дальше нельзя, - предупредил он, - поворачивайте обратно.

- Можно, - ответил шофер, - это жена летчика Федосеева.

- Хорошо! - сказал тогда красноармеец. - Вы подождите.

Он вынул свисток и, вызывая начальника, дважды свистнул.

Пока мы ожидали, к красноармейцу подошли еще двое.

Они держали на привязи огромных собак.

Это были ищейки из отряда охраны - овчарки Ветер и Лютта.

Я поднял Брутика и сунул его в окошко. Увидав таких страшил, он робко вильнул хвостиком. Но Ветер и Лютта не обратили на него никакого внимания. Подошел человек без винтовки, с наганом. Узнав, что это едет жена летчика Федосеева, он приложил

руку к козырьку и, пропуская нас, махнул рукой часовому.

- Мама, - спросила Феня, - отчего если едешь просто, то тогда нельзя. А если скажешь: жена летчика Федосеева, то тогда можно? Хорошо быть женой Федосеева, правда?

- Молчи, глупая, - ответила мать. - Что ты городишь, и сама не знаешь.

* * *

Запахло сыростью.

Через просвет деревьев мелькнула вода. А вот оно раскинулось справа длинное и широкое озеро Куйчук.

И странная картина открылась перед нашими глазами: дул ветер, белыми барашками пенились волны дикого озера, а на далеком противоположном берегу ярким пламенем горел лес.

Даже сюда, за километр, через озеро, вместе с горячим воздухом доносился гул и треск.

Охватывая хвою смолистых сосен, пламя мгновенно взвивалось к небу и тотчас же падало к земле. Оно крутилось волчком понизу и длинными жаркими языками лизало воду озера. Иногда валилось дерево, и тогда от его удара поднимался столб черного дыма, на который налетал ветер и рвал в клочья.

- Там подожгли ночью, - хмуро объявил шофер. - Их бы давно изловили собаками, но огонь замел следы, и Лютте работать трудно.

- Кто зажег? - шепотом спросила Феня. - Разве это зажгли нарочно?

- Злые люди, - тихо ответил я. - Они хотели бы сжечь всю землю.

- И они сожгут?

- Еще что! А ты видела наших с винтовками? Наши их переловят быстро.

- Их переловят, - поддакнула Феня. - Только скорей бы. А то жить страшно. Правда, Володя?

- Это тебе страшно, а мне нисколько. У меня папа на войне был и то не боялся.

- Так ведь то - папа... И у меня тоже папа...

Машина вырвалась из лесу, и мы очутились на большой поляне, где раскинулся аэродром.

Фенина мать приказала нам вылезать и не отходить далеко, а сама пошла к дверям бревенчатого здания.

И когда она проходила, то все летчики, механики и все люди, что стояли у крыльца, разом притихли и молча с ней поздоровались.

Пока Феня бегала с Брутиком вокруг машины, я притерся к кучке людей и из их разговора понял вот что. Фенин отец, летчик Федосеев, на легкой машине вылетел вчера вечером обследовать

район лесного пожара. Но вот прошли уже почти сутки, а он еще не возвращался.

Значит, с машиной случилась авария или у нее была вынужденная посадка. Но где? И счастье, если не в том краю, где горел лес, потому что за сутки огонь разметало почти на двадцать квадратных километров.

Тревога! Нашу границу перешли три вооруженных бандита! Их видел конюх совхоза "Искра". Но выстрелами вдогонку они убили его лошадь, ранили самого в ногу, и поэтому конюх добрался до окраины нашего поселка так поздно.

Разгневанный и взволнованный, размахивая своим оловянным браунингом, я шагал по полю и вдруг стукнулся лбом об орден на груди высокого человека, который шел к машине вместе с Фениной матерью.

Сильной рукой человек этот остановил меня. Посмотрел на меня пристально и вынул из моей руки оловянный браунинг.

Я смутился и покраснел.

Но человек не сказал ни одного насмешливого слова. Он взвесил на своей ладони мое оружие. Вытер его о рукав кожаного пальто и вежливо протянул мне обратно.

Позже я узнал, что это был комиссар эскадрильи. Он проводил нас до машины и еще раз повторил, что летчика Федосеева беспрепятственно ищут с земли и с воздуха.

* * *

Мы покатали домой.

Уже вечерело. Почуввав, что дело неладно, опечаленная Феня тихонько сидела в уголке, с Брутиком больше не играла. И наконец, уткнувшись к матери в колени, она нечаянно задремала.

Теперь все чаще и чаще нам приходилось замедлять ход и пропускать встречных. Проносились грузовики, военные повозки. Прошла саперная рота. Промчался легковой красный автомобиль. Не наш, а чей-то чужой, должно быть, какого-нибудь приезжего начальника.

И только что дорога стала посвободней, только что наш шофер дал ходу, как вдруг что-то хлопнуло и машина остановилась.

Шофер слез, обошел машину, выругался, поднял с земли оброненный кем-то железный зуб от граблей и, вздохнув, заявил, что лопнула камера и ему придется менять колесо.

Чтобы шоферу легче было поднимать машину домкратом, Фенина мать, я, а за мной и Брутик вышли.

Пока шофер готовился к починке и доставал из-под сиденья разные инструменты, Фенина мать ходила по опушке, а мы с Брутиком забежали в лес и здесь, в чаще, стали бегать и прятаться. Причем, когда он меня долго не находил, то от страха начинал

выть ужасно.

Мы заигрались. Я запыхался, сел на пенек и забылся, как вдруг услышал далекий гудок. Я подскочил и, кликнув Брутика, помчался.

Однако через две-три минуты я остановился, сообразив, что это гудела никак не наша машина. У нашей звук был многоголосый, певучий, а эта рявкала грубо, как грузовик.

Тогда я повернул вправо и, как мне показалось, направился прямо к дороге. Издалека донесся сигнал. Это теперь гудела наша машина. Но откуда, я не понял.

Круто повернув еще правей, я побежал изо всех сил.

Путаясь в траве, маленький Брутик скакал за мной.

Если бы я не растерялся, я должен был бы стоять на месте или продвигаться потихоньку, выжидая новых и новых сигналов. Но меня охватил страх. С разбегу я врезался в болотце, кое-как выбрался на сухое место. Чу! Опять сигнал! Мне нужно было повернуть обратно. Но, опасаясь топкого болотца, я решил обойти его, завертелся, закрутился и, наконец, напрямик, через чащу, в ужасе понесся, куда глядели глаза.

* * *

Уже давно скрылось солнце. Огромная луна сверкала меж облаков. А дикий путь мой был опасен и труден. Теперь я шел не туда, куда мне было надо, а шагал там, где дорога была полегче.

Молча и терпеливо бежал за мной Брутик. Слезы давно были выплаканы, от криков и ауканья я охрип, лоб был мокр, фуражка пропала, а поперек щеки моей тянулась кровавая царапина.

Наконец, намученный, я остановился и опустился на сухую траву, что раскинулась по вершине отлогого песчаного бугра. Так лежал я неподвижно до тех пор, пока не почувствовал, что передохнувший Брутик с ожесточенным упорством тычет носом в мой живот и нетерпеливо царапает меня лапой. Это он учуял в моем кармане сверток и требовал еды. Я отломил ему кусок булки, дал полкотлеты. Нехотя остальное сжевал сам, потом разгреб в теплом песке ямку, нарвал немножко сухой травы, вынул свой оловянный браунинг, прижал к себе кутенка и лег, решив ждать рассвета, не засыпая.

В черных провалах меж деревьями, под неровным, неверным светом луны, все мне чудились то зеленые глаза волка, то мохнатая морда медведя. И казалось мне, что, прильнув к толстым стволам сосен, повсюду затаились чужие и злобные люди. Проходила минута, другая - исчезали и таяли одни страхи, но неожиданно возникали другие.

И столько было этих страхов, что, отвертев себе шею, вконец ими утомленный, я лег на спину и стал смотреть только в небо.

Хлопая посоловелыми глазами, чтобы не заснуть, я принялся считать звезды. Насчитал шестьдесят три, сбился, плюнул и стал следить за тем, как черная, похожая на бревно туча нагоняет другую и хочет ударить в ее широко открытую зубастую пасть. Но тут вмешалось третье, худое, длинное облако, и своей кривой лапой оно взяло да и закрыло луну.

Стало темно, а когда просветлело, то ни тучи-бревна, ни зубастой тучи уже не было, а по звездному небу плавно летел большой самолет.

Широко распахнутые окна его были ярко освещены, за столом, отодвинув вазу с цветами, сидела над своими чертежами моя мама и изредка поглядывала на часы, удивляясь тому, что меня нет так долго.

И тогда, испугавшись, как бы она не пролетела мимо моей лесной поляны, я выхватил свой оловянный браунинг и выстрелил. Дым окутал поляну, залез мне в нос и в рот. И эхо от выстрела, долетев до широких крыльев самолета, дважды звякнуло, как железная крыша под ударом тяжелого камня.

Я вскочил на ноги.

Уже светало.

Оловянный браунинг мой валялся на песке. Рядом с ним сидел Брутик и недовольно крутил носом, потому что переменявшийся за ночь ветер пригнал струю угарного дыма. Я прислушался. Впереди, вправо, брякало железо. Значит, сон мой был не совсем сон. Значит впереди были люди, а следовательно, бояться мне было нечего.

В овраге, по дну которого бежал ручей, я налился. Вода была совсем теплая, почти горячая, пахла смолой и сажей. Очевидно, истоки ручья находились где-то в полосе огня.

За оврагом тотчас же начинался невысокий лиственный лес, из которого все живое при первом же запахе дыма убралось прочь. И только одни муравьи, как и всегда, тихо копошились возле своих рыхлых построек, да серые лягушки, которым все равно посуху не ускакать далеко, скрипуче квакали у зеленого болотца.

Обогнув болото, я попал в чащу. И вдруг совсем неподалеку я услышал три резких удара железом о железо, как будто бы кто-то бил молотком по жестяному днищу ведерка.

Осторожно двинулся я вперед, и мимо деревьев со срезанными верхушками, мимо свежих ветвей, листвы и сучьев, которыми густо была усыпана земля, я вышел к крохотной полянке.

И здесь, как-то боком, задрав нос и закинув крыло на ствол погнувшейся осины, торчал самолет. Внизу, под самолетом, сидел человек. Гаечным ключом он равномерно колотил по металличе-

скому кожуху мотора.

И этот человек был Фенин отец - летчик Федосеев.

* * *

Ломая ветви, я продрался к нему поближе и окликнул его. Он отбросил гаечный ключ. Повернулся в мою сторону всем туловищем (встать он, очевидно, не мог) и, внимательно оглядев меня, удивленно сказал:

- Гей, чудное виденье, с каких небес по мою душу?

- Это вы? - не зная, как начать, сказал я.

- Да, это я. А это... - он ткнул пальцем на опрокинутый самолет.

- Это лошадь моя. Дай спички. Народ близко?

- Спичек у меня нет, Василий Семенович, а народу тоже нет никакого.

- Как нет?! - И лицо его болезненно перекошилось, потому что он тронул с места укутанную тряпкой ногу. - А где же народ, люди?

- Людей нет, Василий Семенович. Я один, да вот... моя собака.

- Один? Гм... Собака?.. Ну, у тебя и собака!.. Так что же. скажи на милость, ты здесь один делаешь? Грибы жареные собираешь, золу, уголья?

- Я ничего не делаю, Василий Семенович. Я встал, слышу: брякает. Я и сам думал, что тут люди.

- Та-ак, люди. А я, значит, уже не "люди"? Отчего это у тебя вся щека в крови? Возьми банку, смажь йодом да кати-ка ты, милый, во весь дух к аэродрому. Скажи там поласковой, чтобы скорей за мной послали. Они меня ищут бог знает где, а я-то совсем рядом. Чу, слышишь? - И он потянул ноздрями, принюхиваясь к сладковато-угарному порыву ветра.

- Это я слышу, Василий Семенович, только я никуда дороги не знаю. Я, видите, и сам заблудился.

- Фью, фью, - присвистнул летчик Федосеев. - Ну тогда, как я вижу, дела у нас с тобой плохи, товарищ. Ты в бога веруешь?

- Что вы, что вы! - удивился я. - Да вы меня, Василий Семенович, наверное, не узнали? Я же в вашем дворе живу, в сто двадцать четвертой квартире.

- Ну, вот! Ты нет, и я нет. Значит, на чудеса нам надеяться нечего. Залезь-ка ты на дерево, и что оттуда увидишь, про то мне расскажешь.

Через пять минут я уже был на самой вершине. Но с трех сторон я видел только лес, а с четвертой, километрах в пяти от нас, из лесу поднималось облако дыма и медленно продвигалось в нашу сторону.

Ветер был неустойчивый, неровный, и каждую минуту он мог рвануть во всю силу.

Я слез и рассказал обо всем этом летчику Федосееву.

Он взглянул на небо, небо было беспокойное. Летчик Федосеев задумался.

- Послушай, - спросил он, - ты карту знаешь?

- Знаю, - ответил я. - Москва, Ленинград, Минск, Киев, Тифлис...

- Эх ты, хватил в каком масштабе. Ты бы еще начал: Европа, Америка, Африка, Азия. Я тебя спрашиваю... если я тебе по карте начерчу дорогу, то ты разберешься?

Я замялся:

- Не знаю, Василий Семенович. У нас это по географии проходили... Да я что-то плохо...

- Эх, голова! То-то "плохо". Ну ладно, раз плохо, тогда лучше и не надо. - И он вытянул руку: - Вот, смотри. Отойди на поляну... дальше. Повернись лицом к солнцу. Теперь повернись так, чтобы солнце светило тебе как раз на край левого глаза. Это и будет твое направление. Подойди и сядь.

Я подошел и сел.

- Ну, говори, что понял?

- Чтобы солнце сверкало в край левого глаза, - неуверенно начал я.

- Не сверкало, а светило. От сверканья глаза ослепнуть могут. И запомни: что бы тебе в голову ни втемяшилось, не вздумай свернуть с этого направления в сторону, а кати все прямо да прямо до тех пор, пока километров через семь-восемь ты не упрешься в берег реки Кальвы. Она тут, и деваться ей некуда. Ну, а на Кальве, у четвертого яра, всегда народ: там рыбаки, плотовщики, косари, охотники. Кого первого встретишь, к тому и кидайся. А что сказать...

Тут Федосеев посмотрел на разбитый самолет, на свою неподвижную, укутанную тряпками ногу, понюхал угарный воздух и покачал головой:

- А что сказать им... ты и сам, я думаю, знаешь.

Я вскочил.

- Постой, - сказал Федосеев.

Он вынул из бокового кармана бумажник, вложил туда какую-то записку и протянул все это мне.

- Возьмешь с собой.

- Зачем? - не понял я.

- Возьми, - повторил он. - Я могу заболеть, потеряю. Потом отдашь мне, когда встретимся. А не мне, так моей жене или нашему комиссару.

Это мне что-то совсем не понравилось, и я почувствовал, что к глазам моим подкатываются слезы, а губы у меня вздрагивают.

Но летчик Федосеев смотрел на меня строго, и поэтому я не посмел его послушаться. Я положил бумажник за пазуху, затянул покрепче ремень и свистнул Брутика.

- Пстой, - опять задержал меня Федосеев. - Если ты раньше моего увидишь кого-либо из НКВД или нашего комиссара, то скажи, что в районе пожара, на двадцать четвертом участке, позавчера в девятнадцать тридцать я видел троих человек, думал - охотники; когда я снизился, то с земли они ударили по самолету из винтовок и одна пуля пробила мне бензиновый бак. Остальное им все будет понятно. А теперь, герой, вперед двигай!

* * *

Тяжелое дело, спасая человека, бежать через чужой, угрюмый лес, к далекой реке Кальве, без дорог, без тропинок, выбирая путь только по солнцу, которое неуклонно должно светить в левый край твоего глаза.

По пути приходилось обходить непролазную гущу, крутые овражки, сырые болота. И если бы не строгое предупреждение Федосеева, я десять раз успел бы сбиться и заблудиться, потому что частенько казалось мне, что солнце солнцем, а я бегу назад, прямо к месту моей вчерашней ночевки.

Итак, упорно продвигался я вперед и вперед, изредка останавливаясь, вытирая мокрый лоб. И гладил глупого Брутика, который, вероятно, от страха катил за мной, не отставая и высунув длинный язык, печально глядел на меня ничем не понимающими глазами.

Через час подул резкий ветер, серая мгла наглухо затянула небо. Некоторое время солнце еще слабо обозначалось туманным и расплывчатым пятном, потом и это пятно растаяло.

Я продвигался быстро и осторожно. Но через короткое время почувствовал, что я начинаю плутать.

Небо надо мной сомкнулось хмурое, ровное. И не то что в левый, а даже в оба глаза я не мог различить на нем ни малейшего просвета.

Прошло еще часа два. Солнца не было, Кальвы не было, сил не было, и даже страха не было, а была только сильная жажда, усталость, и я наконец повалился в тень, под кустом ольхи.

"И вот она жизнь, - закрыв глаза, думал я. - Живешь, ждешь, вот, мол, придет какой-нибудь случай, приключение, тогда я... я... А что я? Там разбит самолет. Туда ползет огонь. Там раненый летчик ждет помощи. А я, как колода, лежу на траве и ничем помочь ему не в силах".

Звонкий свист пичужки раздался где-то совсем близко. Я вздрогнул. Тук-тук! Тук-тук! - послышалось сверху. Я открыл глаза и почти над головой у себя, на стволе толстого ясеня, увидел

дятла.

И тут я увидел, что лес этот уже не глухой и не мертвый. Кружились над поляной ромашек желтые и синие бабочки, блистали стрекозы, неумолчно трещали кузнечики.

И не успел я приподняться, как мокрый, словно мочалка, Брутик кинулся мне прямо на живот, подпрыгнул и затрясся, широко разбрасывая холодные мелкие брызги. Он где-то успел выкупаться.

Я вскочил, бросился в кусты и радостно вскрикнул, потому что и всего-то шагах в сорока от меня в блеске сумрачного дня катила свои серые воды широкая река Кальва.

* * *

Я подошел к берегу и огляделся. Но ни справа, ни слева, ни на воде, ни на берегу никого не было. Не было ни жилья, ни людей, не было ни рыбаков, ни сплавщиков, ни косарей, ни охотников. Вероятно, я забрал очень круто в сторону от того четвертого яра, на который должен был выйти по указу летчика Федосеева.

Но на противоположном берегу, на опушке леса, не меньше чем за километр отсюда, клубился дымок и там, возле маленького шалаша, стояла запряженная в телегу лошадь.

Острый холодок пробежал по моему телу. Руки и шея покрылись мурашками, плечи подернулись, как в лихорадке, когда я понял, что мне нужно будет переплывать Кальву.

Я же плавал плохо. Правда, я мог переплыть пруд, тот, что лежал возле завода, позади кирпичных сараев. Больше того, я мог переплыть его туда и обратно. Но это только потому, что даже в самом глубоком его месте вода не достигала мне выше подбородка.

Я стоял и молчал. По воде плыли щепки, ветки, куски сырой травы и клочья жирной пены.

И я знал, что раз нужно, то я переплыву Кальву. Она не так широка, чтобы я выбился из сил и задохнулся. Но я знал и то, что стоит мне на мгновение растеряться, испугаться глубины, хлебнуть глоток воды - и я пойду ко дну, как это со мной было однажды, год тому назад, на совсем неширокой речонке Лугарке.

Я подошел к берегу, вынул из кармана тяжелый оловянный браунинг, повертел его и швырнул в воду.

Браунинг - это игрушка, а теперь мне не до игры.

Еще раз посмотрел я на противоположный берег, зачерпнул пригоршню холодной воды. Глотнул, чтобы успокоилось сердце. Несколько раз глубоко вздохнул, шагнул в воду. И, чтобы не тратить даром силы, по отлогому песчаному скату шел я до тех пор, пока вода не достигла мне до шеи.

Дикий вой раздался за моей спиной. Это, как сумасшедший, скакал по берегу Брутик.

Я поманил его пальцем, откашлялся, сплюнул и, оттолкнувшись ногами, стараясь не брызгать, поплыл.

* * *

Теперь, когда голова моя была над водой низко, противоположный берег показался мне очень далеким. И чтобы этого не пугаться, я опустил глаза на воду.

Так, полегоньку, уговаривая себя не бояться, а главное не торопиться, взмах за взмахом продвигался я вперед.

Вот уже и вода похолодела, прибрежные кусты побежали вправо - это потащило меня течение. Но я это предвидел и поэтому не испугался. Пусть тащит. Мое дело - спокойней, раз, раз... вперед и вперед... Берег понемногу приближался, уже видны были серебристые, покрытые пухом листья осинника. Вода стремительно несла меня к песчаному повороту.

Вдруг позади себя я услышал голоса. Я хотел повернуться, но не решился.

Потом за моей спиной раздался плеск, и вскоре я увидел, что, высоко подняв морду и отчаянно шлепая лапами, выбиваясь их последних сил, сбоку ко мне подплывает Брутик.

"Ты смотри, брат! - с тревогой подумал я. - Ты ко мне не лезь. А то потонем оба".

Я рванулся в сторону, но течение толкнуло меня назад, и, воспользовавшись этим, проклятый Брутик, больно царапая когтями спину, полез ко мне прямо на шею.

"Теперь пропал! - окунувшись с головой в воду, подумал я. - Теперь дело кончено".

Фыркая и отплевываясь, я вынырнул на поверхность, взмахнул руками и тотчас же почувствовал, как Брутик с отчаянным визгом лезет мне на голову.

Тогда, собравши последние силы, я отшвырнул Брутика, но тут в рот я в нос мне ударила волна. Я захлебнулся, бестолково замаhal руками и опять услышал голоса, шум и лай.

Тут налетела опять волна, опрокинула меня с живота на спину, и что я последнее помню, - это тонкий луч солнца сквозь тучи и чью-то страшную морду, которая, широко открыв зубастую пасть, кинулась мне на грудь.

* * *

Как узнал я позже, два часа спустя после того, как я ушел от летчика Федосеева, по моим следам от проезжей дороги собака Лютта привела людей к летчику. И прежде чем попросить что-либо для себя, летчик Федосеев показал им на покрытое тучами небо и приказал догнать меня. В тот же вечер другая собака, по

прозванию Ветер, настигла в лесу троих вооруженных людей. Тех, что перешли границу, чтобы поджечь лес вокруг нашего завода, и что пробили пулей бензиновый бак у мотора.

Одного из них убили в перестрелке, двоих схватили. Но и им - мы знали пощады не будет.

* * *

Я лежал дома в постели.

Под одеялом было тепло и мягко. Привычно стучал будильник. Из-под крана на кухне брызгала вода. Это умывалась мама. Вот она вошла и сдернула в меня одеяло.

- Вставай, хвастунишка! - сказала она, нетерпеливо расчесывая гребешком свои густые черные волосы. - Я вчера зашла к вам на собрание и от дверей слышала, как это ты разошелся: "я вскочил", "я кинулся", "я ринулся". А ребяташки, дураки, сидят, уши разве-сили. Думают - и правда!

Но я хладнокровен.

- Да, - с гордостью отвечаю я, - а ты попробуй-ка переплыви в одежде Кальву.

- Хорошо - "переплыви", когда тебя из воды собака Лютта за рубашку вытащила. Уж ты бы лучше, герой, помалкивал. Я у Федосеева спрашивала. Прибежал, говорит, ваш Володька ко мне бледный, трясется. У меня, говорит, по географии плохо, насилу-насилу уговорил я его добежать до реки Кальвы.

- Ложь! - Лицо мое вспыхивает, я вскакиваю и гневно гляжу в глаза матери.

Но тут я вижу, что это она просто смеется, что под глазами у нее еще не растаяла синеватая бледность, - значит, совсем недавно крепко она обо мне плакала и только не хочет в этом сознаться. Такой уж у нее, в меня, характер.

Она ерошит мне волосы и говорит:

- Вставай, Володька! За ботинками сбегай. Я до сих пор так и не успела.

Она берет свои чертежи, готовальню, линейки и, показав мне кончик языка, идет готовиться к зачету.

* * *

Я бегу за ботинками, но во дворе, увидев меня с балкона, отчаянно визжит Феня.

- Иди, - кричит она, - да иди же скорей, тебя зовет папа!

"Ладно, - думаю я, - за ботинками успею", - и поднимаюсь на-верх.

Наверху Феня с разбегу хватает меня за ноги и тянет к отцу в комнату. У него вывих ноги, и он в постели, забинтованный. Рядом с лекарствами возле него на столике лежат острый ножик и стальное шило. Он над чем-то работал. Он здоровается со

мною, он спрашивает меня о том, как я бежал, как заблудился и как снова нашел реку Кальву.

Потом он сует руку под подушку и протягивает мне похожий на часы блестящий никелированный компас с крышкой, с запором и с вертящейся фосфорной картушкой.

- Возьми, - говорит, - учись разбирать карту. Это тебе от меня на память.

Я беру. На крышке аккуратно обозначены год, месяц и число - то самое, когда я встретил Федосеева в лесу у самолета. Внизу надпись: "Владимиру Курнакову от летчика Федосеева". Я стою молча. Погибли! Погибли теперь без возврата все мальчишки нашего двора. И нет им от меня сожаления, нет пощады!

* * *

Я жму летчику руку и выхожу к Фене. Мы стоим с ней у окна, и она что-то бормочет, бормочет, а я не слышу и не слышу.

Наконец, она дергает меня за рукав и говорит:

- Все хороша, жаль только, что утонул бедняга Брутик.

Да, Брутика жаль и мне. Но что поделаешь: раз война, так война.

Через окно нам видны леса. Огонь потушен, и только кое-где подымается дымок. Но и там заканчивают свое дело последние бригады.

Через окно виден огромный завод, тот самый, на котором работает почти весь наш новый поселок. И это его хотели поджечь те люди, которым пощады теперь не будет.

Около завода в два ряда протянута колючая проволока. А по углам, под деревянными щитами, день и ночь стоят часовые.

Даже отсюда нам с Феней слышны бряцание цепей, лязг железа, гул моторов и тяжелые удары парового молота.

Что на этом заводе делают, этого мы не знаем. А если бы и знали, так не сказали бы никому, кроме одного товарища Ворошилова.

1939

ПРИМЕЧАНИЯ

Рассказ впервые напечатан в журнале "Пионер" No 2 за 1939 год. В том же году вышел отдельной книгой в Детиздате.

В этом рассказе Аркадий Гайдар продолжает разрабатывать тему готовности ребят к подвигу. Пусть в данном случае подвиг совсем не громок - и всего-то требуется от "Володьки из сто двадцать четвертой квартиры" переплыть через неширокую речку Кальву. Да и не совершен этот подвиг - самого Володьку пришлось вытаскивать из реки. Главное другое: Володька знает, что, раз нужно, он переплывет...

Известно, что Аркадий Гайдар с неодобрением относился к тем художественным произведениям, в которых юные герои с ошеломляющей легкостью совершали головокружительные подвиги. Он считал, что в угоду занимательности нельзя жертвовать правдой. А правда порой бывает сурова, но ребята, если придет час, должны действительно внести свой посильный вклад в дело защиты Родины.

"У нас это по географии проходили... Да я что-то плохо..." - говорит Володька летчику Федосееву, когда тот спрашивает, найдет ли он путь по карте.

Как тесно переплетается этот разговор с другим, из очерка Аркадия Гайдара с фронта Великой Отечественной войны "Война и дети". Советский школьник случайно оказался рядом с фашистскими офицерами, которые долго разговаривали о чем-то, держа перед собой карту.

Аркадий Гайдар пишет:

"Я у него спросил:

- погоди! Но ведь ты слышал, что говорили их начальники, это же для нас очень важно.

Паренек удивился:

- Так они же, товарищ командир, говорили по-немецки!

- Знаю, что не по-турецки. Ты сколько окончил классов? Девять? Так ты же должен был хоть что-нибудь понять из их разговора?

Он уныло и огорченно развел руками:

- Эх, товарищ командир. Кабы я про эту встречу знал раньше..."

Т.А.Гайдар